

Л.Л. Самородова, К.Л. Крутская

**ИНФОРМАЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ ИНСТИТУТОВ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА**

Практика институциональных преобразований в России, целью которых являлось построение эффективных рыночных отношений, показала, что многие факторы, оказывающие значительное влияние на результативность проводимых реформ, не были учтены при планировании и претворении в жизнь моделей рыночных институтов. Одним из таких факторов является уровень развития каналов двухсторонней передачи информации между источником преобразований (государством и бизнес-структурами) и исполнителями – индивидами. В качестве такого канала в развитых государствах выступают институты гражданского общества.

Гражданское общество (civil society) – совокупность формальных и неформальных институтов, которая соединяет отдельного индивида или домохозяйство с государством (властью) и бизнесом (организациями частного сектора экономики). Основными функциями гражданского общества являются представление интересов граждан в «переговорах» с органами государственной власти и бизнес-структурами, вовлечение граждан в социальные процессы и оказание социальных услуг [2, с. 129]. Эти функции реализуются посредством увеличения переговорной силы индивида в его взаимодействиях с государственными и коммерческими организациями [2, с. 45]. Переговорная сила индивида зависит от скорости движения, полноты и достоверности информационного потока, связывающего властные структуры и бизнес с институтами гражданского общества.

«Понятие «гражданское общество» означает уход государства из важных областей человеческой жизни и превращение «политики» в одну из многих сфер жизни, таких, как экономическая, социальная, семейная и личностная.» [5, с. 149]. Иными словами, наличие в государстве институтов гражданского общества подразумевает отсутствие диктата государства, экспансии его влияния на все сферы жизни индивида. Гражданское общество может существовать только в демократическом государстве в его классическом виде, т.е. в обществе граждан, имеющих ничем не ограниченную возможность выразить свое мнение по поводу действий государства, и при этом абсолютно равных перед законами, которые приняты в этом государстве. В этом случае человек получает возможность действовать свободно в рамках существующих юридических законов и норм, выражать свои позиции по тем или иным вопросам, создавать политические партии, профессиональные союзы и различные неформальные организа-

ции и объединения.

В гражданском обществе индивиды связаны между собой прежде всего социальными, а не этническими или личными связями. Вовлеченность индивида в коллектив является необходимым условием существования гражданского общества. Члены одного коллектива проявляют социальную солидарность, когда, например, официальные органы власти пытаются ограничить их права или ущемить их экономические интересы [10, с. 491].

Основными условиями существования гражданского общества являются: 1) универсальное правовое государство, 2) возможность легального существования неофициальных социальных институтов, политических движений и течений, 3) доминирование социальных связей над личностными (наличие достаточно высокого уровня деперсонифицированного доверия), 4) развитое личностное начало, 5) свобода и ответственность граждан [10, с. 488].

А. Аузан и В. Тамбовцев определяют гражданское общество как открытую систему, элементами которой являются социальные сети, местные организации и негосударственные организации – институты гражданского общества. Данные институты вступают в отношения между собой, а также с внешней средой (органами государственной власти и частным (коммерческим) сектором) [2, с. 30].

Социальные сети представляют собой неформальные организации, формирование которых происходит на основе признаков, объединяющих индивидов зачастую независимо от их воли и желания (например, проживание в одном подъезде многоквартирного дома, обучение в одном учебном заведении, дальнее родство и т.п.). Такие организации при создании не предполагают постановки каких-либо целей; как правило, функции защиты интересов отдельных индивидов проявляются спонтанно, по мере сплочения какой-либо группы индивидов для решения общих проблем (например, взаимодействие жильцов дома со структурами ЖКХ).

Местные организации, в отличие от социальных сетей, носят более специализированный характер. Возникая зачастую на основе той же общности (соседство, работа в одной организации и т.п.), они, как правило, изначально создаются для решения определенных задач. Участники объединяются в местную организацию с целью удовлетворения какой-либо общей потребности в случае, если удовлетворение данной потребности невозможно или затруднено, если каждый индивид бу-

дет действовать самостоятельно. Примером может служить объединение родителей, проживающих в одном дворе, с целью организации спортивного досуга детей. Местные организации, как правило, являются неформальными, управление осуществляется на основе совместного принятия решений [2, с. 31].

Наиболее формализованными являются негосударственные (общественные) организации. Они имеют статус юридического лица, могут осуществлять производственную и коммерческую деятельность, но не с целью получения прибыли, а для решения уставных задач, в числе которых может быть защита интересов определенных категорий граждан, не являющихся их членами (например, социальная поддержка семей военнослужащих), или решение каких-либо местных проблем (культурных, экологических, социальных – борьба с наркоманией, поддержка инвалидов и т.п.). Наиболее распространенной формой таких организаций являются профсоюзы.

Неформальные структуры автономны, единственным ограничением их деятельности являются принятые в государстве законы. Путем участия в организациях гражданского общества граждане государства могут выражать свое мнение (согласие или протест) по поводу тех или иных решений и действий государственных органов и бизнес-структур, касающихся тех территорий, на которых действуют организации, или тех проблем, для решения которых они создаются [10, с. 488]. Организации гражданского общества могут формировать общественное мнение, вследствие чего к их мнению вынуждены прислушиваться официальные органы власти.

Институты гражданского общества представляют собой совокупность норм и правил (как формальных, так и неформальных), структурирующих взаимодействие между организациями гражданского общества и государством и бизнесом, с одной стороны, и индивидами (домохозяйствами) – с другой. В качестве санкций за отказ от выполнения данных норм выступает, как правило, утрата возможности отстаивать свои интересы перед органами государственной власти и бизнесом посредством организаций, имеющих достаточный опыт взаимодействия с властью и бизнес-структурами и добившихся более или менее высокой степени влияния на принятие ими решений.

Для реформируемой экономики особое значение принимает разграничение между формальными (нормами и правилами, предписанными официально) и неформальными (привычными, традиционными нормами поведения) институтами. Юридическая отмена одних формальных норм и правил и введение кардинально новых не могут быстро изменить привычное поведение людей и способны скорее привести к дезорганизации общественной жизни [8, с. 51]. Попытки изменения формальных правил и норм без учета «институ-

ционального контекста» - неформальных институтов, связанных с данной формальной нормой – зачастую заканчиваются неудачей и приводят к отторжению внедряемого института, искажению его структуры либо консервации частичных преобразований и формированию «институциональных ловушек» [3, с. 13-15].

Важность институтов гражданского общества стала очевидной в процессе рыночной трансформации постсоциалистических экономик. Попытки построения рыночных институтов на постсоциалистическом пространстве начались в период резкой ломки социальной картины мира людей; в течение нескольких лет были полностью разрушены ориентиры, определяющие направление развития как общества, так и отдельного индивида. Поворот на 180° от цели – коммунизма – еще не означал избрание какой-либо новой цели. Буквально воспринятые бывшими советскими гражданами идеи рыночных «свобод» привели к практически полному разрушению социальных связей, резкому отрицанию всего, что хотя бы в малейшей степени напоминало о преобладании общественных интересов над личными.

Процесс институционального реформирования в России поначалу осуществлялся без какой-либо теоретической базы, без выявления условий успешности реформ и прогнозирования их последствий. В начальный период реформ в России среди экономистов было распространено мнение, что институциональная структура общества может быть быстро и эффективно видоизменена, если в качестве образца для создания рыночных институтов отобрать наиболее эффективные зарубежные образцы [3, с. 5-6].

Попытки реформирования институциональной среды в России путем насильственного внедрения институциональных схем из развитых экономик привели к противоречивым результатам. К числу негативных последствий относятся высокие социальные издержки реформ, которые не были предусмотрены при планировании «операций по трансплантации». «Организм» российского общества, ослабленный потрясениями, связанными с ломкой старой системы «обмена веществ» - социалистической экономики – отторгал большинство трансплантатов. Неудачи реформ породили массовую критику такого пути реформирования, как импорт институтов из экономик с другой гражданской культурой. Широкое распространение получила концепция «особого пути» России, определяемого культурными особенностями. Согласно данной точке зрения, процесс институциональных изменений возможен лишь со скоростью смены поколений. Однако рассмотрение этой проблемы с позиции построения отношений доверия позволяет сделать вывод о допустимости таких заимствований – но при помощи других механизмов.

По мнению Я. Кузьмина, В. Радаева, А.

Яковлева и Е. Ясина [3], заимствование (импорт) институтов из развитых экономик следует заменить концепцией «выращивания» институтов, в основе которой лежит процесс целенаправленных институциональных изменений, то есть трансформации имеющихся в стране институтов в соответствии с установленными целями и задачами. При этом «выращивание» институтов возможно только путем поиска «зародыша» в структуре существующих неформальных институтов (в том числе институтов гражданского общества) и, возможно, некоторой «селекции» - постепенного видоизменения схемы института путем выработки консенсуса между государством и гражданским обществом.

Импорт рыночных институтов сопровождался сменой строгой цензуры свободой слова, что привело к возникновению потоков информации, качество которой ничем и никем не контролировалось. Неизбежным последствием этого процесса стала полная дезориентация людей в информационных потоках. Резко возросшая информационная нагрузка привела к тому, что когнитивные возможности индивидов оказались неадекватными стоящим перед ними задачам отбора информации, заслуживающей доверия. Огромное количество разнородных, зачастую взаимно опровергающих друг друга информационных сигналов вызвало своеобразный «синдром доверчивости» в сочетании с практически полной утратой доверия: с одной стороны, люди были склонны верить наименее правдоподобным заявлениям, сделанным в прессе или по телевидению, с другой – все с большим подозрением относились к информации, сопровождающейся разъяснениями, доказательствами, особенно если речь шла о действиях государства в области экономической и социальной политики.

Сам процесс формирования доверия основан на фиксации субъектом доверительных отношений определенных последствий действий объекта доверия. Систематическое повторение позитивного результата действий объекта доверия ведет к закреплению доверия по отношению к нему со стороны индивида – субъекта [6, с. 28]. При этом единственный зафиксированный негативный результат разрушает построенные отношения, причем тем более основательно, чем больше позитивных результатов наблюдалось перед этим. А в сознании граждан реформаторская деятельность государства в постсоветский период выглядела как череда провалов, перемежаемых редкими случаями успеха.

Проведенные в течение первого десятилетия рыночных реформ исследования уровня доверия в России показали, что уровень персонифицированного доверия (к членам семьи, близким друзьям и т.п.) в течение всего периода 1991 – 2000 гг. значительно превышал уровень доверия к государству. В период кризиса 1998 г. уровень доверия к

государству резко снизился (властным структурам доверяли менее 5% населения), тогда как уровень персонифицированного доверия, несмотря на некоторое снижение во время кризиса, превышал уровень доверия к государству более чем в 6 раз [7, с. 209-210]. В период 2000-2001 гг. в России уровень доверия со стороны предпринимателей к местной администрации снизился на 10,7%, к Государственной Думе – на 29,4%, к местным органам законодательной власти – на 15,5% [1, р. 8].

Практика российских реформ показала, что доступность информации и возможность сопоставления ее с эмпирическими данными – одна из основных предпосылок эффективного проведения реформ. Непременным условием поддержки гражданами экономических и социальных преобразований является ясность для них целей реформ. Институты гражданского общества выступают каналами двухсторонней связи между индивидами (домохозяйствами) и государством и бизнесом: передают «наверх» реакцию индивидов на нововведения, в том числе на институциональные, смягчают потрясения от радикальных реформ, разъясняя (как более доверенное для граждан лицо, чем государство) необходимость, пути осуществления и возможные последствия институциональных преобразований.

Для эффективного функционирования такой связи необходим достаточно высокий уровень доверия к государству со стороны организаций гражданского общества и, в свою очередь, к организациям и институтам гражданского общества со стороны индивидов. Эффективность организаций и институтов гражданского общества как «каналов связи» между государственными органами и индивидами обусловлена наличием прямой зависимости скорости передачи информации от уровня доверия между субъектами взаимодействия. В группе, связанной более прочными доверительными отношениями, основанными не только на формальной (территориальной, по принципу совместной работы и т.п.) общности, но и на общности решаемых проблем и достигаемых целей, информация распространяется быстрее, ее восприятие происходит легче и качественнее.

При переходе от уровня социальных сетей к неформальным и формальным организациям персонифицированный тип доверия постепенно сменяется деперсонифицированным (институциональным), то есть доверием к институтам и организациям гражданского общества как таковым, без привязки к личным контактам с их участниками.

В стране, где индивид не доверяет даже структурам гражданского общества, где высок уровень персонифицированного доверия, как следствие, высока инерционность в экономическом сознании, что отчасти вызывается высокой скоростью изменений в экономической и социальной системах – при частой смене ориентиров

сознание людей перестает доверять всем происходящим переменам. Гражданское общество разрушается, лишившись поддержки (доверия) со стороны индивидов и своего предназначения (урегулирования отношений между индивидами и государством, «канала двухсторонней связи» между ними).

В условиях неразвитости институтов гражданского общества индивид остро ощущает неспособность защитить свои интересы, каким-либо образом повлиять на процесс принятия решений, напрямую его касающихся. Процедура демократических выборов далеко не всегда обеспечивает такое влияние. В ходе выборов избиратели голосуют за партию или кандидата, представляющих набор специфических позиций по ряду вопросов. С некоторыми позициями избиратель может не согласиться, но при этом проголосовать за данного кандидата или партию, исходя из согласия с большинством прочих позиций их программы. Кроме того, в программах кандидатов и партий, представленных на выборах, может не оказаться такого решения, которое предпочел бы данный индивид [4, с. 11].

Чувство незащищенности приводит к ожиданию индивидом угроз со стороны внешней среды, то есть к дальнейшей утрате доверия к государству, которое предстает как основной источник таких угроз в виде институциональных нововведений, которые могут привести к ущемлению интересов данного индивида.

Взаимосвязь уровня персонифицированного доверия, доверия к государству и бизнесу, доверия к институтам гражданского общества и эффективности институциональных реформ можно представить в виде когнитивной карты [9] (рис. 1). Каждая из вершин А, В, С, D представляет собой элемент причинно-следственной модели, или фактор, оказывающий влияние на другие компоненты модели. Компоненты соединены между собой причинно-следственными связями. Положительная связь (В→С на рисунке) означает, что увеличение (усиление) фактора В ведет к увеличению (усилению) фактора С, либо уменьшение (ослабление) фактора В ведет к уменьшению (ослаблению) фактора С. Отрицательная связь (А→В) означает, что увеличение (усиление) фактора А приводит к уменьшению (ослаблению) фактора В, и

наоборот.

Для анализа взаимного влияния входящих в модель элементов необходимо исследовать соединяющий их контур – замкнутый ориентированный путь, все вершины которого различны. Существуют контуры отрицательной обратной связи, противодействующие увеличению отклонений переменных, и контуры положительной обратной связи, где увеличение (уменьшение) любой переменной будет усиливаться действием других факторов. На рис. 1 контуры ABCD и BCD являются контурами положительной обратной связи. Рост персонифицированного доверия сопровождается снижением доверия к институтам гражданского общества, что приводит к ослаблению доверия к государству и бизнесу и в дальнейшем ведет к снижению эффективности проводимых реформ. Значительные социальные издержки реформ подрывают доверие к источникам преобразований (D→C) и к институтам гражданского общества (D→B). На фоне снижения институционального доверия возрастает значимость межличностных связей, то есть персонифицированного доверия (D→A).

Повышение эффективности институциональных преобразований зависит от степени замены персонифицированного доверия в обществе деперсонифицированным (институциональным) доверием. Возникает своеобразный «эффект мультипликатора доверия»: рост доверия к институтам гражданского общества вызывает рост доверия к государству, что в свою очередь способствует повышению эффективности реформ и дальнейшему укреплению всех форм институционального доверия.

При проведении реформ именно институты гражданского общества могут выступать независимыми экспертами всех проектов институциональных нововведений. В условиях недоверия со стороны населения к экономической компетентности правительственных органов целесообразным представляется повышение авторитета независимых некоммерческих организаций, научных организаций, в том числе государственных, с целью формирования информационных потоков, направленных как в сторону продвижения реформ, так и в обратном направлении – от индивидов к государству.

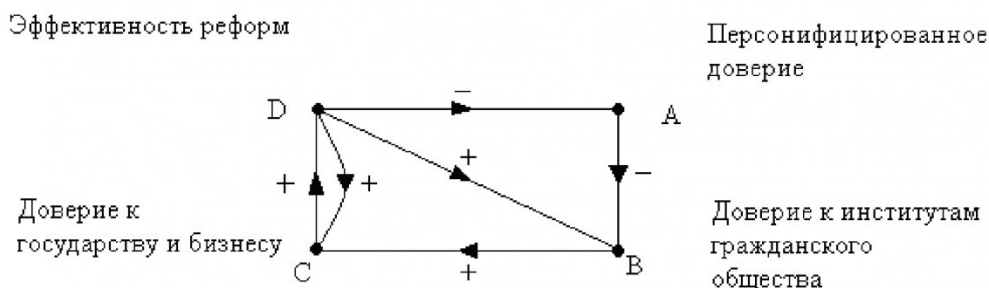

Рис. 1. Модель взаимного влияния различных типов доверия и эффективности реформ

Таким образом, информационная функция институтов гражданского общества заключается в обеспечении действия двухстороннего канала передачи информации (выполнении роли «информационного посредника») между индивидами и органами государственной власти и бизнесом. Эффективность данного канала обусловлена типом и уровнем доверия, формирующегося у инди-

видов по отношению к организациям и институтам гражданского общества: эволюция институтов гражданского общества от неформальных сетей к негосударственным организациям сопровождается развитием деперсонифицированного (институционального) доверия, что ускоряет процесс передачи информации и упрощает ее усвоение индивидами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Radaev V.* How Trust Is Established in Economic Relationships When Institutions and Individuals Are not Trustworthy (The Case of Russia). Collegium Budapest, 2003. (<http://www.colbud.hu/honesty-trust/radaev/pub02.doc>).
2. *Аузан А.* Экономическое значение гражданского общества / А. Аузан, В. Тамбовцев // Вопросы экономики, 2005. – № 5. – С. 28-49.
3. Институты: от заимствования к выращиванию / Я. Кузьминов, В. Радаев, А. Яковлев, Е. Ясин // Вопросы экономики, 2005. – № 5. – С. 5-27.
4. *Корнаи Я.* Честность и доверие в переходной экономике // Вопросы экономики, 2003. – № 9. – С. 4-17.
5. *Лоуэлл Д.* Доверие и политика в посткоммунистическом обществе // Pro et Contra, 2002. – Т.7. – № 3. – С. 147-162.
6. *Мильнер Б.* Фактор доверия при проведении экономических реформ // Вопросы экономики, 1998. – №4. – С. 27-38.
7. *Олейник А.* Институциональная экономика: Учебное пособие. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 416 с.
8. *Ольсевич Ю.* О специфике экономических институтов социальной сферы / Ю. Ольсевич, В. Мазарчук // Вопросы экономики. – № 5. – 2005. – С. 50-64.
9. *Плотинский Ю.* Модели социальных процессов. Уч. пособие для вузов. – М. : Логос, 2001. – 296 с.
10. Социальная философия. Учебник. - Под редакцией И.А. Гобозова. - М.: Издатель Савин С.А., 2003. - 528 с.

□ Авторы статьи:

Самородова
Людмила Леонидовна
- канд. экон. наук, доц. каф. экономической теории факультета гуманитарного образования КузГТУ
Тел. 89043721830

Крутская
Ксения Львовна
- соискатель каф. экономической теории факультета гуманитарного образования КузГТУ
Тел. 89236174479
Email:krutkl@mail.ru